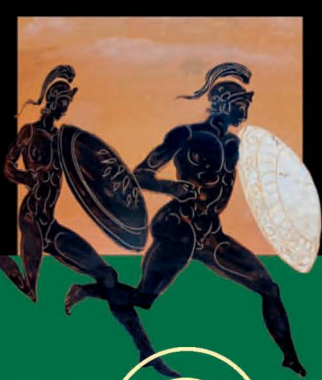

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК
LANGUAGE AND REASONING

А. Д. КОШЕЛЕВ

ОЧЕРКИ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

А. Д. КОШЕЛЕВ

ОЧЕРКИ
ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Издательский Дом ЯСК
Москва
2017

УДК 80/81
ББК 81
К 76

Кошелев А. Д.

К 76

Очерки эволюционно-синтетической теории языка. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 528 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-9500661-2-2

В монографии показывается, что на протяжении последних 50 лет теоретическая лингвистика находится в кризисе, поскольку представляет собой множество взаимно противоречащих доктрин. Эволюционно-синтетическая теория языка нацелена на преодоление данного кризиса. В ней реализуется мультидисциплинарный подход, описывающий язык а) в эволюционном и онтогенетическом развитии и б) в тесном взаимодействии с другими человеческими подсистемами: мышлением, деятельностью, памятью, социальным взаимодействием и др. Язык определяется как развивающаяся в онтогенезе дуальная система: универсальный сенсорный подязык + лингвоспецифичный функциональный подязык, где сенсорный подязык используется для описания «видимого» (доступного чувственному восприятию) мира, а функциональный подязык — для описания мыслимого («постигаемого разумом») мира. В рамках излагаемого подхода получают решение многие проблемы: 1) когнитивный (невербальный) язык для представления языковых значений; 2) многообразие и единство языков (используется структура, альтернативная Универсальной Грамматике Хомского); 3) главная (исходная) функция языка; 4) когнитивный язык мысли (его базу составляют лексические и грамматические значения сенсорного подязыка); 5) смысл (назначение) синтаксической структуры предложения; 6) механизмы усвоения ребенком лексических и грамматических значений; 7) дуальная (функционально-прототипическая) структура человеческих категорий и др.

В книге рассматривается широкий круг вопросов, касающихся человеческого познания, глотто- и антропогенеза, универсальных когнитивных структур представления предметов, действий и ситуаций, поэтому она будет интересна не только лингвистам, но и психологам, антропологам, социологам, философам.

В оформлении переплета использована композиция А. Гауди «Скамейка для двоих»

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-5-9500661-2-2

© Кошелев А. Д., 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Предисловие	9
-------------------	---

Введение

Основы эволюционно-синтетической теории языка	15
---	----

I. Онтогенез языка во взаимосвязи с представлением мира и деятельностью человека. Глоттогенез и антропогенез	15
II. Концептуальные структуры языковых значений (слова, предикативного ядра, простого предложения)	53
III. Дуальная схема языка. Многообразие и единство человеческих языков	91

Глава 1

Об антагонизме современных теорий языка

и путей его преодоления	109
-------------------------------	-----

§ 1. Введение	109
§ 2. Множество несовместимых концепций языка	112
§ 3. Сопоставительный анализ некоторых взаимно противоречащих концепций языка	118
§ 4. Противоречия в описаниях отдельных проблем лингвистики	128
§ 5. О бесплодности попыток достигнуть консенсуса	132
§ 6. Является ли лингвистика естественной наукой?	134
§ 7. Кризис и его причины	139
§ 8. Принципы построения эволюционно-синтетической теории языка	144
§ 9. Кризис когнитивных наук о человеке	146
§ 10. О причинах кризиса в когнитивных науках о человеке	151

Глава 2

Референциальный подход

к описанию основных лексических значений	157
§ 11. О референциальном подходе в лексической семантике. Анализ значений слов <i>стул</i> и <i>кресло</i>	157
§ 12. Анализ основных значений глаголов действия <i>ударить, коснуться, толкнуть,</i> <i>падать, брать</i> и <i>взбираться</i>	186
§ 13. Глаголы неподвижного положения в пространстве <i>стоять, сидеть, лежать</i> и <i>висеть</i>	214
§ 14. Глаголы движения <i>идти, бежать,</i> <i>ползти, шагать, прыгать</i> и <i>ехать</i>	227
§ 15. О структуре лексической полисемии	253
§ 16. Приложение 1. Извлечения из электронной переписки А. Д. Кошелева и И. А. Мельчука (февраль — март 1995 г.)	273
§ 17. Приложение 2. Раннее усвоение ребенком законов физического мира	283

Глава 3

Базовые концепты

как нейробиологические коды памяти	289
§ 18. Предметные и двигательные концепты	289
§ 19. О психофизическом состоянии и нейробиологии человеческих действий	310

Глава 4

Элементы сенсорной грамматики	327
§ 20. Об основном и производных значениях приименного генитива (<i>ручка двери, ветка дерева</i>)	327
§ 21. О структурном единстве лексических и грамматических значений. Значение глагольной переходности	339
§ 22. Основное и производные значения залога. Система значений постфикса <i>-сь/ся</i>	350

Глава 5

Универсальные значения, сенсорный язык, когнитивный конструктор, язык мысли	371
§ 23. Предмет и система его частей (партитивный концепт). Сенсорное значение предметного существительного.....	371
§ 24. Предмет и система его свойств (атрибутивный концепт). Концептуализация предметных свойств	391
§ 25. Действие и системы его частей и свойств. Сенсорное значение глагола действия.....	399
§ 26. Ситуация и система ее участников. Сенсорное значение простого предложения.....	404
§ 27. Когнитивный конструктор, язык мысли и сенсорный язык	415
§ 28. Дуальная структура представления мира и языка....	424

Глава 6

Об эволюции этноса и его языка	439
§ 29. Мир и язык индейцев пирахан как пример начального периода эволюции этноса и его языка...	439
§ 30. Схемы эволюции этноса и его языка	456

Литература	483
-------------------------	------------

Указатели

Именной указатель	509
Предметный указатель	515
Указатель концептов предметов, действий, отношений и ситуаций	523
Указатель лексических и грамматических значений	524
Указатель проблем (с вариантами решений).....	526

Предисловие

1. Место эволюционно-синтетической теории языка в ряду других концепций

1.1. Зачем нужна новая теория языка? Увидев заглавие этой книги, читатель вполне резонно может воскликнуть: «Как? Еще одна теория языка? Неужели автору недостаточно нескольких десятков уже существующих теорий? Имеет ли смысл прибавлять к ним еще одну и приближать тем самым ситуацию первой трети XIX в., когда, согласно А. Мейе, существовало “столько же лингвистик, сколько и лингвистов”?» (с. 113)¹.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сначала обрисовать современное состояние теоретической лингвистики. Из проведенного в Главе 1 анализа следует, что характерной чертой этого состояния является одновременное существование множества несовместимых теорий языка. Во второй половине XX в. еще можно было говорить о единстве различных подходов к языку. Так, по мнению Р. Якобсона, единство разнообразным лингвистическим доктринам придавал «кардинальный принцип структурного подхода к языку, разделяемый всеми направлениями лингвистики», поэтому «исследование языковой структуры является основной задачей всех направлений современной лингвистики» (с. 113—114). Однако к концу XX в. это единство исчезло без следа (с. 114—115). В результате общее ядро знаний о языке, разделяемое представителями различных лингвистических доктрин, сократилось до предельного минимума. Понятно, что рассчитывать на расширение

¹ Здесь и далее в предисловии и введении в скобках указаны страницы и параграфы книги.

этого ядра в процессе дальнейшего «развития» лингвистики — ее движения по параллельным или даже расходящимся путям — не приходится.

Сложившаяся ситуация губительна не только для лингвистики, но и для междисциплинарных исследований. Представители других, смежных с лингвистикой наук о человеке (психологии, биологии, антропологии и пр.) для обоснования своих позиций ссылаются на результаты, принадлежащие разным, подчас антагонистичным концепциям языка, что приводит к нарастающей путанице (с. 133).

1.2. Причины кризиса теоретической лингвистики. Касаясь причин возникшего теоретического тупика, следует указать на два фундаментальных изъяна, присущих (по отдельности или в совокупности) современным лингвистическим доктринам (§§ 3, 4). Во-первых, во многих из них по-прежнему доминирует синхронический подход, игнорирующий процессы макро- и микроэволюции языка, его онто- и глоттогенеза. Во-вторых, при описании механизмов функционирования языка в них не учитывается комплексный вклад сопредельных ему подсистем — мышления, представления знаний, деятельности, памяти и др.

На преодоление указанных изъянов и нацелена эволюционно-синтетическая теория языка, начальная версия которой представлена в этой книге.

1.3. Общие принципы эволюционно-синтетического подхода к языку. Излагаемый подход восходит к античности, к представлениям Аристотеля о различении действительности, мышления и языка и о роли языка как инструмента описания мысленных представлений человека о мире. Наряду с этим в нем развивается линия исследований языка как одной из подсистем человека, которая функционирует не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими его подсистемами, прежде всего с мышлением (представлением знаний) и деятельностью. Синтетическое изучение взаимодействия этих подсистем влечет за собой системное присоединение к базовой концепции языка результатов из ряда других областей знаний, тесно связанных с лингвистикой. Это теории: базовых концептов Э. Рош, Дж. Лакоффа, К. Мервис и др.; мышления Н. М. Се-

человека; биодвижений Н. А. Бернштейна; визуального восприятия и распознавания действий Г. Йохансона, С. Рунесона, Г. П. Бингэма и др. и памяти Д. Циня. Социальный фактор эволюции языка описывается на базе исследования этнического прогресса Л. Моргана. Все перечисленные концепции выдержали, на наш взгляд, испытание временем и потому могут стать составными частями единого подхода к описанию человеческого мышления, деятельности и языка.

Эволюционная составляющая подхода выражается в тотально широком использовании общей теории развития, сформировавшейся в трудах Г. Гегеля, Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Х. Вернера и других ученых. Она привлекается к анализу как проблем языковой эволюции (от макро- и микродиахронии лексических и грамматических значений до глоттогенеза и эволюционной структуры языка), так и тесно связанных с ними проблем антропогенеза.

Излагаемая концепция языка является мультидисциплинарной. Она мыслится как альтернатива множеству современных лингвистических доктрин. Возникает естественный вопрос: а могут ли, в свою очередь, появиться альтернативы для нее? Наш ответ: да, могут. Но, поскольку альтернативы также должны быть мультидисциплинарными, их не может быть больше одной или двух. А это уже типичное состояние нормально развивающейся науки.

2. Внешняя оценка эволюционно-синтетического подхода к языку

При появлении новой концепции первые оценки, данные ей специалистами, представляют особый интерес. Аналитический обзор излагаемой здесь концепции языка содержится в монографии Л. Г. Зубковой «Теория языка в ее развитии», посвященной «анализу ключевых философско-лингвистических учений... с античности до наших дней» [Зубкова 2016: 15], ср.:

Отношения между миром внешних явлений и внутренним миром человека, между действительностью, мышлением и языком занимают центральное место в теории языка. Однако

реальные механизмы связи между ними, по сути, оставались нераскрытыми до конца XX в.

Выявление таких механизмов становится возможным на основе развиваемой А. Д. Кошелевым когнитивной теории семантики, совмещающей референциальный подход к языку с концептуальным.

Их прообразом, по-видимому, является выделенное в античности противопоставление двух миров. С одной стороны, это «область зримого» (чувственный мир), с другой — «область умопостигаемого» (мир идей) [Зубкова 2016: 534].

В предисловии, анализируя вклад различных лингвистических концепций в формирование единого учения о языке, Л. Г. Зубкова пишет:

А. Д. Кошелев делает следующий важнейший шаг — к синтезу когнитивной и языковой способностей в их взаимосвязанном развитии, к системному единству универсального и специфического, абстрактного и конкретного в языке. Он исходит из закономерностей в познании объекта — от нерасчлененного самого общего представления об объекте к выделению в нем отдельных аспектов и далее к синтезу накопленных таким образом знаний о различных сторонах объекта в системном целостном его представлении [Там же: 20].

Анализ нашего подхода к языку содержится также в книге Т. Г. Скребцовой «Когнитивная лингвистика: классические теории и современные подходы», в печати, глава 9, разделы 1 и 4.

3. Пути прочтения книги

Составляющие книгу очерки складываются в серию относительно самостоятельных разделов — этим и объясняются неизбежные в таких случаях повторы. Поэтому к чтению книги можно подойти по-разному. Можно последовательно прочитать все шесть глав, а можно пойти более коротким путем, начав чтение с Главы 2 (описание основных и производных лексических значений), а далее перейти к Главам 5 (дуальная структура языка, язык мысли) и 6 (эволюция этноса и его языка). Для тех, кому и этот путь кажется слишком длинным, могу посоветовать еще более короткий маршрут из семи параграфов: § 11 → § 15 → § 23 → § 24 → § 27 →

§ 28 → § 30. Наконец, для самых нетерпеливых читателей есть наикратчайший, но и самый лакунарный путь: § 27 → § 28 → § 30.

Однако все перечисленные пути должны, на мой взгляд, начинаться с нижеследующего Введения, в котором излагаются и иллюстрируются на примерах основные положения книги. Вполне допускаю, что некоторым читателям и его окажется достаточно.

4. Благодарности

Книга представляет собой итог многолетних исследований. Всё это время я пользовался поддержкой, советами, рекомендациями и критическими замечаниями большого числа людей — от самых близких друзей и коллег до анонимных рецензентов.

К сожалению, за все годы исследовательской работы я не смог найти ни одного единомышленника, который бы разделял основные положения излагаемой теории языка, и лишь совсем недавно — на завершающем этапе написания книги — я наконец обрел такого единомышленника. Очень рад, что им оказался столь известный и авторитетный лингвист, как Л. Г. Зубкова. Ее поддержка, советы и критические замечания были для меня чрезвычайно важны, поэтому к ней первой обращены слова моей благодарности.

Выражаю также самую искреннюю признательность родным, друзьям и коллегам, помогавшим мне на протяжении всей этой работы — в дискуссиях, комментариях к рукописям статей и пр.: Г. В. Бондаренко, С. А. Жигалкину, Вяч. Вс. Иванову, А. С. Касьяну, А. А. Кибрику, А. Г. Козинцеву, М. И. Козлову, А. В. Кравченко, С. А. Крылову, Л. П. Крысину, Ю. В. Мазуровой, И. А. Мельчуку, Н. В. Перцову, Т. В. Самариной, Т. Г. Скребцовой, Г. С. Старостину, Я. Г. Тестельцу, Е. С. Яковлевой и J. Smith (Tromsø, Norway), а также ряду анонимных рецензентов.

Моя благодарность редактору книги В. В. Столяровой, неутомимо работавшей над текстом на всём пути его следования в типографию, корректору Е. Г. Сметанниковой и верстальщице Е. В. Андреевой.

*А. Д. Кошелев,
18 июля 2017 г.*

Введение

Основы эволюционно-синтетической теории языка

Очерки, составляющие эту книгу, были написаны в разное время и потому, во-первых, отражают эволюцию моих взглядов на язык, а во-вторых, относительно самостоятельны. Цель настоящего Введения — дать итоговое (на сегодня) изложение теории языка, соединяющее воедино весь круг рассматриваемых в книге проблем. Как оказалось, для реализации этой цели потребовался текст довольно большого объема, поскольку некоторые темы пришлось излагать более детально, чем это принято во Введении. Что касается унификации терминологии, то она затронула два термина. В большинстве очерков исходное, наиболее конкретное значение слова называется основным значением, а функциональная составляющая этого значения называется или функцией, или семантическим ядром. Во Введении основное значение называется сенсорным, а его функциональная составляющая — только функцией.

I. Онтогенез языка во взаимосвязи с представлением мира и деятельностью человека. Глоттогенез и антропогенез

Эволюционно-синтетическая теория языка базируется на следующих двух положениях.

1. Язык изучается как компонент элементарной модели человека:

- (1) Модель человека = «Мышление (Представление мира) — **Деятельность** — Язык».

В ней Деятельность определяется как главный компонент (выделена полужирным), а Представление знаний и Язык — как дополнительные компоненты, способствующие (каждый по своему) успешному осуществлению Деятельности.

Как мы покажем ниже, компоненты этой модели развиваются в тесном взаимодействии друг с другом. Поэтому язык рассматривается как **з а в и с и м ы й** компонент модели (1), изучение которого тесно связано с изучением двух других ее компонентов.

2. Язык и другие компоненты модели человека изучаются в онтогенезе — как последовательности состояний, порожденных этапами детского развития. В качестве главного инструмента онтогенетического анализа мы используем общую теорию развития, позволяющую проследить трансформацию исходно синкретичных детских образований (восприятия, представления мира и др.) в системы взаимосвязанных компонентов.

В результате проведенного анализа, язык предстает как совокупность двух последовательно возникающих в онтогенезе составляющих:

- (2) Язык = Универсальный сенсорный подязык + Этноспецифичный функциональный подязык,

где сенсорный подязык используется для описания «видимого» (доступного чувственному восприятию) мира, а функциональный подязык — для описания мыслимого («постигаемого разумом») мира.

Чтобы более подробно представить реализацию сформулированных положений, построим две версии модели человека для двух последовательных этапов развития ребенка: с конца первого до конца второго года и с конца второго до конца третьего года.

1. Онтогенез

1.1. Развитие ребенка в течение второго года жизни.

1.1.1. Представление мира. Дети рано начинают понимать и употреблять слова, характеризующие положения предметов в пространстве и их физические взаимодействия: *толкнуть, бежать,*

падать, стоять и др. Между тем значения этих слов содержат не тривиальные понятийные компоненты, недоступные прямому восприятию. Действие «толкнуть» предполагает, что объект начинает двигаться потому (каузальное отношение), что субъект посредством контакта передает ему «силу движения». Для действия «падать» характерно движение предмета вниз только под действием его веса. Если камень уронили, то он падает, а если бросили вниз сообщив дополнительную силу движения, то нет — он летит вниз, и это движение уже нельзя назвать глаголом *падает*. Поэтому для правильного употребления этих слов ребенок должен понимать (реконструировать) невидимые силовые характеристики взаимодействия предметов в пространстве.

Естественно задаться вопросом: как и когда ребенок усваивает все эти знания?

Имеется множество экспериментальных данных, свидетельствующих об удивительно быстром познании младенцем окружающей действительности, в частности законов физического мира [Spelke et al. 1992; 1995; Csibra et al. 2003; Gergely et al. 1995; Baillargeon 1994; 2002; Carey 2009; Murphy 2002; Пинкер 2004: 403; Сергиенко 2006; Субботский 2007]. Так, с середины первого года жизни младенец начинает различать неживые объекты и живые существа. Он уже понимает, что, в отличие от людей и животных, физические предметы не способны к самодвижению (например, начать движение без внешнего воздействия другого предмета, резко остановиться в отсутствии препятствия) и не могут двигаться целенаправленно: огибать препятствия, останавливаться перед ним и возвращаться назад и т. п.

Приведем кратко экспериментальные данные, непосредственно связанные с усвоением семантики глаголов *ударить* и *падать*. Подробнее см. § 17.

1. Столкновение предметов. Младенцы 3 месяцев считают, что если шар скатывается с пологой горки и ударяет в стоящий под горкой предмет, то тот должен переместиться даже в случае, если шар очень маленький, а предмет очень большой. Но младенцы 6 месяцев понимают это взаимодействие значительно лучше. Они уже знают, что, чем больше шар, тем дальше должен перемещаться предмет и наоборот. При этом, если младенцы видели, что шар останавливается, чуть-чуть не доходя до предмета, а последний

начинает движение («толчок без столкновения»), они были удивлены таким действием. Если же шар подкатывался вплотную к предмету, а последний начинал движение не сразу, а с некоторой задержкой («отсроченный толчок»), это тоже вызывало удивление младенцев. В совокупности проведенные эксперименты свидетельствуют о том, что с возраста 7 месяцев младенцы воспринимают два последовательных движения двух столкнувшихся предметов как «прямой толчок», т. е. как два движения, связанные каузальным отношением [Leslie 1984; Субботский 2007: 177—178].

По мнению А. Лесли, развивающему идеи А. Мишотта (см. о них, напр., в [Michotte 1962; Carey 2009: 217—221]), а также некоторых других ученых (см. библиографию в [Субботский 2007: 180]), рассмотренный выше прямой механический толчок, не-сущий в себе инкапсулированное каузальное отношение, служит источником для развития у ребенка более общего понимания причинно-следственных отношений между вещами. Подробное обсуждение этой точки зрения см. в [Carey 2009: 221—246].

2. Устойчивость неподвижного предмета к падению. Младенец месяцев жизни ожидает, что предмет, не имеющий контактов ни с одним другим предметом, должен падать, как, скажем, коробка, не имеющая контакта со столом. Если же коробка имеет хоть какой-либо контакт со столом (например, приставлена к боковой поверхности стола), то она не должна падать. В 5 месяцев младенец уже различает характер контакта коробки со столом (опорный контакт или нет), но еще не учитывает опорную площадь коробки, необходимую для ее стабильного положения на столе. Он считает, что коробка не должна падать даже в случае, если лишь 15 % ее основания опирается на стол, а остальная часть свисает над столом [Baillargeon 1994: 134]. В 6,5 месяцев младенец уже учитывает этот фактор и считает, что коробка не будет падать лишь в случае, если бо́льшая часть ее основания опирается на стол. Однако он пока еще не способен предсказывать устойчивость предметов более сложной формы. Например, младенец будет ожидать, что если сделанную из дерева букву Г поставить на стол, то она не упадет, поскольку основание ножки целиком опирается на поверхность стола. Но в 12,5 месяцев он уже так не думает, поскольку способен предсказывать устойчивость предмета сложной формы, что неизбежно связано со способностью определять центра тя-

жести предмета [Carey 2009: 90—93; Baillargeon 2002: 52—54; Когнитивная психология 2002: 367—369].

Продолжим обзор ранних знаний ребенка. При анализе процессов усвоения детьми базовых ситуаций движения обычно используются компоненты Л. Талми [Talmy 1985]: Фигура, Поверхность, Путь, Манера движения (способ движения — идет, бежит, летит и под.), а также Источник и Цель движения. Как показывают экспериментальные данные, дети очень рано начинают различать эти компоненты в наблюдаемых движениях. Например, младенцы с 12 месяцев вычленяют в движении Источник (пункт отправления) и Цель (пункт назначения) [Lakusta et al. 2007]. Чуть позднее дети научаются распознавать тип движения. С 14 месяцев они уже вычленяют в движении Агенса, манеру, а также путь (траекторию) его движения из множества движений с разными манерами и путями [Pruden et al. 2008: 176—177, 179].

Более поздние исследования [Göksun et al. 2010; Pruden et al. 2012; 2013] подтверждают и детализируют эти результаты. Следует подчеркнуть, что центральным для этих и ряда других исследований [Gentner, Boroditsky 2001; Golinkoff et al. 2002; Gentner, Bowerman 2009] является положение о первичности формирования у ребенка исходных концептуальных компонентов ситуаций движения, без которых усвоение глаголов и предлогов, описывающих эти ситуации движения, было бы для ребенка невозможным.

С полутора лет дети начинают различать в предмете отдельные свойства: форму [Landau et al. 1988; Markson et al. 2008: 204], размер, вес и др. [Бауэр 1985]. Примерно в это же время у детей начинают формироваться более общие свойства окружающего мира, которые чуть позднее становятся значениями грамматических единиц (граммем) его сенсорного языка, см. п. 1.1 раздела III.

Учитывая эти, а также некоторые другие данные, можно заключить, что к середине второго года жизни у ребенка появляется весьма дифференцированная перцептивная модель мира, содержащая прототипы многих видимых явлений действительности (объектов, действий, свойств и связывающих их отношений и взаимодействий) вместе с их человеческими осмыслениями (функциональными, силовыми, каузальными, мотивационными и др.).

Глава 1

Об антагонизме современных теорий языка и путях его преодоления

§ 1. Введение

В центре нашего внимания — анализ внутреннего антагонизма современной теоретической лингвистики: одновременного существования в ней ряда противоречащих друг другу теорий языка. Если говорить более конкретно, в данной главе будет предпринята попытка доказать следующие три положения.

1. За последние 50 лет теоретическая лингвистика не внесла в копилку общепризнанного лингвистического знания о языке как едином объекте почти ничего нового, поскольку на протяжении всего этого периода она являет собой множество антагонистичных доктрин — и на уровне общих теорий языка, и на уровне его главных составляющих (лексики, синтаксиса и связывающего их лексико-синтаксического интерфейса), и на более низких уровнях, относящихся к частным языковым проблемам (лексическая полисемия, лексико-семантическая сочетаемость, грамматические значения и др.).

2. Состояние теоретического антагонизма современной лингвистики свидетельствует о ее глубоком кризисе.

Из этого положения вовсе не следует, что в с я современная лингвистика находится в кризисном состоянии. Речь идет главным образом об общем, или теоретическом, языкознании, которое почти

не опирается на непосредственную интуицию носителя языка. Что же касается конкретных лингвистических исследований, непосредственно использующих языковую интуицию, то они развиваются широким фронтом и в самых различных направлениях.

3. Преодоление возникшего кризиса невозможно без построения единой эволюционно-синтетической теории языка. А решение этой задачи, в свою очередь, невозможно а) без учета, наряду с синхроническими, диахроническими закономерностей функционирования языка и б) без полномасштабного привлечения научных данных о закономерностях функционирования других подсистем человека, тесно взаимодействующих с подсистемой языка: мышления, представления знаний, физических действий и пр.

Следует подчеркнуть: совместное существование в современной лингвистике ряда противоречащих друг другу теорий отмечалось неоднократно¹. Однако этот феномен трактуется по-разному. Согласно мнению одних лингвистов, это следствие сползания лингвистической теории в фазу стагнации, признаки которой появляются в последние годы [Beaugrande 1991: 2], другие склонны объяснять его природой самого объекта описания [Bahner 1983], третьи, следуя Т. Куну [Кун 2003], видят в этом феномене свидетельство того, что наука о языке находится на достаточно ранней стадии своего развития («pre-paradigmatic stage») и не достигла еще той степени зрелости, которую может выразить одна доминирующая парадигма.

Наконец, согласно еще одной точке зрения, видимая противоречивость многих лингвистических теорий не носит фундаментального характера и в процессе дальнейшего развития вполне может быть преодолена путем их объединения. Чтобы проиллюстрировать это весьма распространенное мнение, обратимся к монографии [Фитч 2013]. Свое видение проблемы изучения языка Т. Фитч излагает уже на первых ее страницах — в виде известной древнеиндийской притчи о слепцах и слоне. Апеллируя к этой притче, Фитч уподобляет лингвистов слепым людям, которые, ощупывая слона, пытаются описать его целостный облик:

¹ Из последних отечественных работ можно упомянуть монографию [Зубкова 2015; 2016] и статьи [Касевич 2009; Кошелев 2013а; 2015б; Кравченко 2015].

Один дотянулся до хобота и сказал, что это создание похоже на пожарный шланг. Другой стал ощупывать ухо и заявил, что он касается чего-то вроде опахала. Третий водил руками по ногам слона и решил, что они напоминают колонны. Еще один из любопытных похлопал животное по спине и остался в уверенности, что перед ним трон... [Фитч 2013: 19].

Главная мысль этой книги состоит в том, что каждый исследователь обладает определенной истиной, но никому не удалось обрисовать общую, достаточно правдоподобную картину. Изучение языка требует интеграции взглядов на разные стороны явления, каждая из которых существенна, но недостаточна для формирования единого взгляда на происходящее... необходимо примирять идеи, казалось бы противоречащие друг другу [Там же: 21; рядка моя. — *А. К.*].

Ниже я постараюсь показать, что реальное положение дел в современной лингвистике более адекватно отражает иная притча. Слепцы ощупывают не одного слона, символизирующего человеческий язык, а нескольких животных — слона, жирафа, носорога и др., символизирующих различные модели человеческого языка. Один ощупывает хобот слона, другой — шею жирафа, третий — рог носорога и т. д., полагая, что это одно и то же животное. Понятно, что в таком случае надежда на объединение полученных описаний в единую картину исчезающе мала.

Далее, центральное место в Главе 1 будет занимать разбор ряда современных лингвистических концепций — как самого общего уровня (различные теории языка (§§ 2, 3)), так и более частного (эволюция языка, лексическая семантика и др. (§ 4)). В § 5 рассмотрена бесплодность попыток достичь консенсуса путем дискуссий и междисциплинарных контактов; в § 6 проанализирован статус лингвистики — является ли она естественной наукой; в § 7 обсуждаются причины кризиса; в § 8 излагаются принципы построения эволюционно-синтетической теории языка; а § 9 посвящен обсуждению аналогичного кризиса, сложившегося в других когнитивных науках, прежде всего в психологии. Здесь, во-первых, показывается, что в этих науках, как и в лингвистике, царит концептуальный антагонизм, препятствующий их развитию, и, во-вторых, обсуждаются пути выхода из сложившегося теоретического тупика.

§ 2. Множество несовместимых концепций языка

Если окинуть единым взглядом всю совокупность современных исследований языка как целостного явления, то перед нами откроется в известной мере парадоксальная картина. Мы не увидим одной, общепризнанной, теории языка (лингвистической концепции, школы) или же двух, конкурирующих друг с другом. Мы обнаружим целый ряд противоречащих друг другу теорий: Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И. А. Мельчука, Дж. Лакоффа, Т. Гивона, А. Вежбицкой, Р. Лангакера, Ч. Филлмора («грамматика конструкций») и др. Причина в том, что вновь создаваемая концепция не сменяет какую-либо из уже известных как более адекватно представляющая и объясняющая реальность, а начинает сосуществовать совместно с прежними концепциями.

Конечно, многие лингвистические школы интересны уже только как история науки. Мы не встретим частых ссылок на теории Г. Пауля, К. Бюлера, Л. Блумфилда и других лингвистов прошлого. Однако уходящие теории утрачивают свою актуальность не потому, что вновь появившиеся доктрины доказали их ошибочность или недостаточность в том или ином отношении. Они просто забываются, оттесняются на второй план более «современными» подходами².

Пожалуй, одним из первых на эту особенность лингвистики XX в. обратил внимание А. Мейе. Еще в 1928 г. он писал:

² Характерно, что ни одна из новых концепций языка не стала преемственной в отношении трех указанных теорий. Иначе говоря, каждая новая концепция строит описание языка заново, т. е. создает свою собственную языковую парадигму. При этом нередко утрачиваются важнейшие достижения прежних теорий. Например, некоторые результаты, содержащиеся в монографиях [Пауль 1960] и [Блумфилд 2002] и оставленные без внимания современными школами, продолжают многовековую лингвистическую традицию, идущую из античности, и представляют, на наш взгляд, непреходящую ценность, см. о них в § 15, п. 2.2.

В то время как историческое языкознание имеет точные методы, апробированные длительным использованием, общее языкознание пока не определилось со своим подходом, оно пока еще тяготеет к философии: каждый автор избирает свой собственный путь [исследований], и, как представляется, существует столько же лингвистик, сколько и лингвистов.

Чтобы лучше понимать друг друга, нам прежде всего нужна такая терминология, где термины имеют единое значение для всех. Это с первого взгляда представляется фундаментальной трудностью для понимания природы лингвистических фактов³.

Как мы теперь знаем, пожелание выдающегося лингвиста пока так и не осуществилось, хотя с тех пор прошло уже почти девяносто лет. «Философии» в общем языкознании не убавилось, а его методы не стали более объективными. В связи с этим приведем мнение Р. О. Якобсона. Вот что он писал в 1970 г.:

На первый взгляд кажется, что современная лингвистическая теория представляет собой поразительное разнообразие противоречащих друг другу доктрин. <...> И все же внимательное, непредубежденное рассмотрение всех этих ограниченных доктрин и жарких споров выявляет общую основу. <...> Подобно тому как общая топология служит основой и задает направление для целого ряда математических исследований, разнообразие лингвистических подходов отражает лишь многообразие взаимно дополняющих аспектов [Якобсон 1985: 404—405] (разрядка моя. — А. К.).

³ Ввиду важности и многократного цитирования этого высказывания А. Мейе, привожу оригинальный текст:

Mais, tandis que la linguistique historique a des méthodes précises, éprouvées par un long usage, la linguistique générale est encore mal assurée dans sa démarche; elle tient toujours un peu de la philosophie: chaque auteur procède à sa manière et il y a, semble-t-il, autant de linguistiques générales que de linguistes. Pour que la linguistique générale progresse, il faut qu'elle devienne plus objective et qu'on en fixe la technique.

Pour se bien entendre, on a besoin tout d'abord d'une terminologie où les termes aient pour tout le monde le même sens. Or, il apparaît du premier coup une difficulté fondamentale qui tient à la nature du fait linguistique [Meillet 1928: 29].

По мнению Р. Якобсона, единство разнообразным лингвистическим теориям придает «кардинальный принцип структурного подхода к языку, разделяемый всеми направлениями лингвистики», поэтому «исследование языковой структуры является основной задачей всех направлений современной лингвистики» [Якобсон 1985: 404—405]. Сейчас, однако, вряд ли кто-либо будет отстаивать данный тезис. Уже не бесспорный и в то время, он позднее полностью утратил адекватность⁴.

Что же касается теоретической лингвистики конца XX в., то в ней нет даже видимости единства, ср.:

...общая теория языка, распавшись на множество конкурирующих теорий, не представляет собой такой системы, в которой имеется... общепризнанное ядро, составляющее «сухой остаток» всего того, что было накоплено в области теории и не подлежит пересмотру в ближайшем будущем [Кибрик 1995: 99];

...если в математике или физике школы чаще всего находятся в отношении *дополнительности* (каждая более активно и глубоко исследует свою проблемную подобласть), то в лингвистике или психологии более типичны школы, для которых действительно отношение *оппозиции* (они занимаются одной и той же проблемной областью, но при разных исходных установках и/или разными методами) [Касевич 2013: 22] (курсив автора. — А. К.).

Если же говорить о настоящем времени, то можно констатировать, что количество оппозиционных друг другу концепций языка еще более возросло.

Многие ученые вслед за А. Мейе и Р. Якобсоном полагают, что теоретическая лингвистика, подобно всякой естественно-научной (или близкой к ней) дисциплине, должна в конце концов выработать одну доминирующую теорию языка и, соответственно, одну научную парадигму. Надежду на это высказывали и А. Е. Кибрик [1995: 100] («на смену тенденции к специализации

⁴ См. также статью [Кубрякова 1995: 144], содержащую обзор ряда работ по данной теме и ставящую своей целью «аргументировать мнение о том, что современную ситуацию в лингвистике отличает не только разнообразие взглядов... концепций, гипотез и теорий, но и некое внутреннее единство».

придет тенденция к интеграции»), и В. Б. Касевич [2013: 27] («достижение согласия относительно основ нашей науки — дело будущего, в которое хотелось бы верить»).

Вместе с тем далеко не все лингвисты разделяют данную позицию. Например, П. Серио полагает, что в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга [Серио 1993], ср. также:

...лингвистика — одна из тех дисциплин, в которых появление новой теории, новых идей не вызывает крушения и радикального пересмотра старых данных... Гуманитарные науки обречены на политеоретичность. <...> Это означает... неизбежность многопарадигмальности теоретического языкознания [Демянков 2009: 31—32].

Я отношусь к сторонникам позиции А. Мейе и считаю, что множественность одновременно сосуществующих и противоречащих друг другу теорий языка — явление временное, не отвечающее онтологической сущности языка и указывающее на «болезнь роста» наших знаний о нем и о той когнитивной и социальной среде, в которой он функционирует. Здесь, правда, нужно сделать одну оговорку. На наш взгляд, язык не является модулем, т. е. специализированной подсистемой, порождающей фразы на основе исключительно своих внутренних данных. Напротив, он функционирует в тесном взаимодействии с другими человеческими подсистемами, прежде всего с мышлением, представлением знаний и деятельностью. Поэтому в процессе построения единой теории языка необходимо существенным образом учитывать независимые данные и механизмы функционирования указанных подсистем. Это придаст теории языка столь необходимую ей «объективность», независимость от точки зрения того или иного лингвиста-теоретика.

Наша главная цель — проанализировать масштабы и специфику теоретического антагонизма в лингвистике второй половины XX — начала XXI в. и те последствия для процесса познания языка, к которым этот антагонизм приводит.

Характерной чертой современной лингвистики стало неуправляемое, ничем не сдерживаемое порождение новых концепций языка. При этом новые концепции не вступают в конкурентное

соперничество с уже имеющимися концепциями, как это имеет место в естественных науках, а сосуществуют с ними так, как будто каждая из них описывает свой собственный аспект языка, а не язык как целостное явление. И последствия данного явления весьма пагубны: с одной стороны, неуклонно стремится к нулю число общепризнанных «принципов» описания языка, а с другой — вместо единой системы знаний о языке формируется множество инкапсулированных локальных систем таких знаний, которые накапливаются в оппозиционных друг другу языковых парадигмах, подобных сотам в улье. Между тем глубина и масштабы этого процесса ускользают, на наш взгляд, от лингвистов-теоретиков, поскольку с позиции отдельного исследователя положение дел не выглядит столь удручающим. Ведь каждый исследователь видит лишь «свой кусочек» общей картины⁵, и на фоне впечатляющих достижений частных лингвистических исследований эти «локальные» противоречия вовсе не кажутся ему симптоматичными.

В центре нашего внимания будет именно теоретическая лингвистика. Как мы постараемся показать, в ее рамках нет ни естественного, казалось бы, процесса углубления и обобщения какой-либо одной уже существующей теории языка, как было, скажем, в физике, когда специальная теория относительности Эйнштейна включила классическую механику Ньютона как частный случай, относящийся к движению больших масс с небольшими скоростями, ни замены старой теории на новую, обладающую большей объяснительной силой (как, например, замена в эволюционной биологии теории Ламарка на теорию Дарвина, в астрономии — теории Птолемея на теорию Коперника, а в химии — теории флогистона на кислородную теорию Лавуазье), ни, наконец, острого

⁵ И даже это происходит далеко не всегда. Принадлежа к определенной научной школе, лингвист обычно считает остальные концепции не альтернативными, а ложными [Касевич 2009: 39—40]. Кроме того, не всегда очевидна взаимная оппозиционность научных школ. Поэтому всякая новая теория, тематически не очень близкая лингвисту, обычно воспринимается им как расширяющая и дополняющая общий багаж лингвистических знаний. Впрочем, имеет место и встречная тенденция: делать вывод о несовместимости различных точек зрения без достаточных на то оснований; см., к примеру, поучительный разбор оппозиционных положений генеративизма и функционализма в [Ньюмейер 1996].

соперничества между антагонистическими теориями (обусловленного убеждением исследователей, что истинной может быть только одна теория), как это имеет место в современной физике, в которой одновременно сосуществует несколько альтернативных концепций общей теории поля. Вместо этого наблюдается ничем не ограниченный рост количества оппозиционных друг другу теорий языка — или же какой-то его составляющей (синтаксиса, лексической семантики и др.). Сказанное, коротко говоря, означает, что в процессе развития современной лингвистики наши научные знания о языке становятся, с одной стороны, все более и более широкими и разносторонними, а с другой — все менее и менее глубокими и бесспорными.

§ 3. Сопоставительный анализ некоторых взаимно противоречащих концепций языка

1. Введение

Аргументацию в пользу изложенной выше точки зрения естественно начать с анализа концепции Ф. де Соссюра, поскольку она является «отправной точкой новой эры в науке о языке» [Якобсон 1985: 409]. Для нас эта концепция также будет служить своеобразной точкой отсчета при анализе ряда последующих лингвистических концепций: Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И. А. Мельчука, А. Вежбицкой и Дж. Лакоффа. Следует сразу оговориться: антагонизм между такими общими направлениями исследования языка, как генеративизм и функционализм (или близкий к нему когнитивизм), широко известен и не требует дополнительных пояснений (даже притом, что в ряде подходов некоторые черты этих направлений объединяются), см. обзор в [Мустайоки 2010: 107—108]. Мы, однако, покажем, что взаимная оппозиционность присуща и гораздо более близким теориям: Хомского и Джекендоффа (генеративизм), Мельчука и Вежбицкой (семантический атоанизм — сведение языкового значения к набору семантических примитивов) и др. Как мы убедимся, ни одна из перечисленных теорий не находится в отношении дополнительности к остальным, поскольку все они опираются на различные, часто несовместимые исходные постулаты. И это притом, что теории Хомского и Джекендоффа представляют генеративную лингвистику, а теория Мельчука, не будучи генеративистской, весьма близка к ним идейно и структурно. В то же время общностью семантических методов описания лексики теория Мельчука и ее версия, развиваемая в Московской семантической школе [Апресян 2009], тесно связаны с концепцией А. Вежбицкой, а последнюю роднит с концепцией Дж. Лакоффа когнитивный подход к семантике.

2. О роли языка в мышлении

Рассмотрим важнейший для теоретической лингвистики вопрос о роли языка в мышлении. Сводятся ли основные функции языка к сугубо коммуникативным задачам или же они включают также и мыслеобразование? Свойственно ли языку полноценно участвовать в формировании мысли, содержащейся в высказывании (предложении языка), или же он служит только инструментом передачи уже сформированной мысли? На этот вопрос упомянутые теории отвечают по-разному. Концепция Ф. де Соссюра трактует язык как инструмент мышления и утверждает, что вне языка мышления не существует. Теория Н. Хомского видит в языке инструмент формирования общей структуры высказывания, а его конкретное смысловое наполнение оставляет за внеположными языку механизмами мышления. Наконец, теории Р. Джекендоффа и И. А. Мельчука трактуют язык исключительно как средство коммуникации — перевода в языковую форму мысли, сформированной мышлением человека. Однако и между двумя последними теориями имеется существенное различие.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Согласно Ф. де Соссюру, язык — основной инструмент мышления и мысль целиком и полностью формируется при его участии (поскольку вне языка мышления нет). В самом деле, теория Ф. де Соссюра исходит из гипотезы первичности родного языка человека и вторичности, производности от него мира концептов — единиц мышления, ср.:

В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собой аморфную, нерасчлененную массу... без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе, мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различений до появления языка.

Специфическая роль языка в отношении мысли заключается не в создании материальных звуковых средств для выражения понятий, а в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком... Мысль, хаотичная по своей природе, по необходимости уточняется, расчленяясь на части [Соссюр 1977: 144].

Научное издание

Алексей Дмитриевич Кошелев

**ОЧЕРКИ
ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ ЯЗЫКА**

Корректор Е. Сметанникова
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовила Е. Андреева
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 14.08.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 33. Тираж 500. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10-00 до 19-00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: (499) 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru

www.gnosisbooks.ru

vk.com/gnosisbooks